

УДК 141.319.8:321.01

**АНТРОПОКОНТУРЫ
ВЛАСТИ В КОНЦЕПЦИЯХ
А. КОЖЕВА
И М. ВЕБЕРА: ОПЫТ
СРАВНИТЕЛЬНОГО
АНАЛИЗА**

Черных Сергей Сергеевич

Кандидат философских наук,
доцент Южно-Российского
государственного политехнического
университета (НПИ) имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск,
e-mail: s.s.chernykh@mail.ru

**Швачкина Людмила
Александровна**

Доктор философских наук, доцент,
профессор Института сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал) Донского
государственного технического
университета в г. Шахты,
e-mail: Shvachkina@mail.ru

**ANTHROPOLOGICAL
CIRCUITS OF POWER
IN A. KOJEVE'S AND
M. WEBER'S CONCEPTS:
THE EXPERIENCE
OF COMPARATIVE ANALYSIS**

Sergey S. Chernykh

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
M.I. Platov South-Russian
State Technical University,
Novocherkassk,
e-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Ludmila A. Shvachkina

Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Institute of Services Industry
and Businesses, Branch of Don
State Technical University
in Shakhty,
e-mail: Shvachkina@mail.ru

Статья посвящена сравнительному анализу антропоконтуров власти в концепциях А. Кожева и М. Вебера, в котором акцентируется внимание как на типологических сходствах, так и на отличиях сопоставляемых теорий. Изучаются антропоконтуры власти, интерпретируемые сквозь призму организации легитимного порядка. Отмечается, что обе концепции включают в себя темпоральный анализ власти. Вместе с тем концепция А. Кожева носит метафизиче-

The article is devoted to the comparative analysis of anthropological circuits of power in A. Kojeve's and M. Weber's concepts, and focuses both on typological similarities and differences between the compared theories. The anthropological circuits of power, interpreted in the light of the organization of legitimate order are analyzed. It is noted that the two concepts include temporal analysis of power. However, A. Kojeve's concept is metaphysical in nature, whereas the background of M. Weber's discus-

ский характер, тогда как предпосылки рассуждений М. Вебера содержат в себе явную антиметафизическую установку. Демонстрируются отличия в понимании обоими мыслителями рациональности, связанные с различными трактовками взаимодействия воли и разума в человеческой практике.

sions contains explicit anti-metaphysical installation. The differences in understanding of rationality by the two thinkers are demonstrated. They are associated with various interpretations of interaction between faith and reason in human practice.

Ключевые слова: антропоконтуры власти, власть как авторитет и господство, легитимность, харизма, рациональность, метафизика власти, темпоральный анализ власти.

Keywords: anthropological circuits of power, authority as power and domination, legitimacy, charisma, rationality, metaphysics of power, temporal analysis of power.

Введение

В работе выдающегося русско-французского философа А. Кожева «Понятие власти» было дано последовательное определение власти, опирающееся на интерпретацию феномена власти в духе целостного проекта философской антропологии. В своей работе философ подчеркивал именно антропогенный характер власти, в то же время рассматривая её как феномен общественного бытия. В результате он пришёл к выводу, что имеется всего «четыре не сводимых друг к другу типа (человеческой) власти: отца (причина), господина (риск), вождя (проект-предвидение), судьи (справедливость)» [7, с. 46–47]. Таким образом, в рассматриваемом произведении А. Кожевным выявлены антропоконтуры власти (всего четыре архетипа власти), которые можно вполне обнаружить в социальной действительности. Вместе с тем он полагал, что в истории философии осмысление власти происходило не сразу, тем более потребовались тысячелетия работы мысли, корреспондирующие с достижениями труда в сфере материального производства, чтобы совершился антропологический поворот в её понимании. Согласно его анализу каждому из архетипов власти «соответствует теория: отца – схоластика, господина – Гегель, вождя – Аристотель, судьи – Платон» [7, с. 28]. Интересно, что концепция власти А. Кожева обнаруживает ряд общих черт с типологией легитимации власти М. Вебера, а также и существенные отличия от неё, связанные с различием методологических установок рассматриваемых мыслителей [13].

Поэтому сравнительный анализ идеальных типов власти в социологии М. Вебера и архетипов власти в теории А. Кожева поможет, на наш взгляд, расширить философское осознание данного феномена и способствовать дальнейшему теоретическому синтезу классических подходов.

Объектом исследования являются антропоконтуры власти, интерпретируемые сквозь призму организации порядка и особенностей его легитимации, представленные в концепциях А. Кожева и М. Вебера.

Предметом исследования выступают аспекты, проясняющие понятие власти в антропологической перспективе, которая в полной мере характеризует творчество рассматриваемых мыслителей.

Цель статьи – провести сравнительный анализ антропоконтуров власти в концепциях А. Кожева и М. Вебера, продемонстрировать как сходные моменты их концепций, так и различия, которые определяются разницей исходных методологических предпосылок.

Для реализации цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- исследовать типологические сходства антропоконтуров власти в концепциях А. Кожева и М. Вебера;
- выявить особенности методологических установок рассматриваемых авторов, которые продуцируют различия в понимании ими антропоконтуров власти.

Степень научной разработанности темы статьи включает в себя анализ текстов А. Кожева и М. Вебера, из которых можно вычлениить антропологию власти. Рассматриваемая нами в статье проблематика исследовалась в работах зарубежных и отечественных авторов: А. Хоннета [14, 15], Х. Йоаса [5], П. Рикёра [10], П.П. Гайденко [3], П.А. Сапронова [11], В.Г. Ледяева [8] и др. Вместе с тем работы, посвященные конкретному сравнительному анализу концепций власти А. Кожева и М. Вебера на основе как метафизических, так и антиметафизических установок обоих мыслителей, нам неизвестны.

В методологии исследования мы исходили из темпорального анализа власти, представленного в теории А. Кожева, а также из основных предпосылок «понимающей» социологии М. Вебера, где власть рассматривается как способность действовать, ориентированная на соответствующие «идеальные» мотивы. Вместе с тем мы стремились рассматривать концепцию М. Вебера в большей степени как философскую, чем собственно социологическую теорию.

Типологические сходства антропоконтуров власти в концепциях А. Кожева и М. Вебера

Следуя во многом гегелевскому подходу, А. Кожев рассматривает власть как особого рода форму признания индивидом над собой господства со стороны другого лица. Таким образом, для русско-французского философа власть – это не могущество, а в первую очередь авторитет (authority). «Авторитет человека (т.е. его выдающаяся человеческая цен-

ность, хотя и необязательно превосходство) признается другим, когда советам этого человека следуют, когда его приказы исполняются этим другим не потому, что он не мог бы поступить иначе (физически, из страха, по причине какой-нибудь другой “страсти”), но потому, что он спонтанно считает их достойными исполнения, причем не потому, что он сам признает их внутреннюю ценность, но исключительно в силу того, что они даны именно этим человеком (как своего рода оракулом), поскольку он признает “авторитет” того, кто их дает» [6, с. 337]. Поэтому именно признанная власть может воздействовать на поступки человека таким образом, что приказы он будет исполнять как необходимое благо.

М. Вебер определяет власть как господство (нем. *Herrschaft*), проявляющееся в качестве способности «заставить определенную группу людей повиноваться определенной команде» [8, с. 27]. Причём такое господство обладает принудительной силой, т. е. способностью изменять действия людей, преодолевая их желание не подчиняться. Вместе с тем понимание власти М. Вебера нельзя также полностью редуцировать к голой силе (могуществу), поскольку оно напрямую связано с взаимодействиями между людьми, в рамках которого устанавливается определенный порядок и воспроизводится его легитимизация. Поэтому каждый тип власти – это всегда легитимный порядок, возникающий из легальной, харизматической или традиционной форм господства [2]. К тому же рассматриваемые типы власти, которая в своём стабильном (нормальном) состоянии функционирует как порядок, также включают в себя признание.

В концепции А. Кожева власть анализируется в антропологической перспективе, где особое значение мыслитель предаёт методу её метафизического истолкования. В данной связи неслучайным выглядит обращение философа к работам Аристотеля, причём посвященным определению предмета метафизики. Как мы уже отмечали, согласно мысли А. Кожева, действуют чистые четыре архетипа власти (отца – господина – вождя – судьбы), которые он сопрягает с четырьмя причинами аристотелевской метафизики. В своей интерпретации власти А. Кожев не только учитывает модусы времени (прошлое – настоящее – будущее), но и вводит в собственную концепцию собственно метафизическое понятие вечности. Поэтому важно учитывать, что метафизическое понятие вечности состоит в особых отношениях с настоящим моментом «теперь», поскольку сама вечность мыслится в модусе «всегда теперь», что соответствует восходящему к Аристотелю схоластическому термину *nunc stans* [13]. Собственно вечность постулируется не только как мера всяческих времен, но и как основа нерушимого постоянства.

Таким образом, его система выглядит следующим образом: 1) власть отца есть власть прошлого над настоящим и будущим, на социальном уровне эта власть укорена в форме авторитета традиции; согласно метафизике Аристотеля – материальная причина; 2) власть господина есть власть над настоящим, как это хорошо показал ещё Гегель, она связана с действительным риском в настоящий момент; в соответствии с метафизикой Аристотеля – действующая причина; 3) власть вождя есть власть над будущим, поскольку она реализуется в форме проекта, соответственно – целевая причина; 4) власть судьи есть власть над всеми предыдущими типами, поскольку власть судьи должна зиждется на истинной справедливости, мыслимой как идеальная ценность, она проявляется как власть вечности над всеми временными модусами, как интеграция последних трех временных аспектов и рассматривается как формальная причина [7, 13]. В итоге модель метафизического понимания власти А. Кожева предстаёт как развернутый философско-антропологический анализ, где антропоконтуры власти проявляются в четырех метафизических причинах сущего, сопряженных с вечностью и тремя модусами времени.

Возвращаясь к М. Веберу, важно обратить внимание, что его типы легитимации (порядка) власти во многом напоминают схематику А. Кожева, кроме того, они также соотносены с модусами времени и могут быть интерпретированы в антропологической перспективе.

Так, например, традиционная форма легитимации власти, по М. Веберу, очевидным образом представляет собой власть отца и по сути является формой господства прошлого над настоящим [2, 13]. При подобном типе порядка в настоящем доминируют традиции, освященные авторитетом сакрализованного прошлого, которые одновременно являются главным источником легитимации. В обществах, где подобный порядок реализуется в своей полноте, власть, как правило, приобретает явные патерналистские черты.

Харизматическая форма легитимации власти прямо связывается М. Вебером с деятельностью пророков, понимаемых в широком смысле как выдающиеся личности в своей деятельности, обращенные в будущее. Здесь также обнаруживается полное согласие с мыслью А. Кожева, поскольку харизматическая легитимация власти подразумевает часто радикальный отрыв от наличного порядка вещей. Следовательно, харизматическая власть есть власть вождя, где над настоящим господствует будущее. В данной связи необходимо также учитывать социальный опыт консервативных революций, сопровождаемый поиском аутентичности, когда власть вождя сосредотачивает свою борьбу именно против дей-

ствующего порядка, как бы пытаюсь в будущем вновь обрести некое утерянное прошлое [7, 12, 13].

Легальная форма легитимации власти проявляется как господство порядка, сложившегося в настоящем. Вместе с тем, по М. Веберу, ведущей социальной фигурой этого типа власти выступает не идущий на риск господин, который как концептуальный персонаж впервые появляется в диалектике господства и рабства гегелевской «Феноменологии духа» [4], а скорее рациональный юрист или бюрократ, способный осуществлять власть исходя из знания законов, действующих в настоящее время [13].

Различие исходных методологических аттитюдов понимания антропоконтуров власти в концепциях А. Кожева и М. Вебера

Концепция А. Кожева обнаруживает не только ряд общих черт с типологией власти М. Вебера, но и существенные отличия от неё, связанные с различием методологических установок рассматриваемых мыслителей. Интересно, что даже когда антропоконтуры власти в двух концепциях в целом совпадают, как в случае власти вождя (харизматика), в интерпретациях данного архетипа обнаруживаются существенные отличия, которые объясняются влиянием на М. Вебера философии жизни Ф. Ницше. Так, например, современный немецкий исследователь Х. Йоас отмечает, что «Вебер наделяет харизматического лидера чертами, взятыми из теории личности Ницше. Речь идёт об элитарном индивиде, который в состоянии единолично порвать со всеми традиционными и рациональными нормами и инициировать революционную перестановку всех ценностей» [5, с. 56–57]. Отсюда можно сделать вывод о том, что рассматриваемые мыслители по-разному понимают рациональность действующей власти.

Очевидность вышеприведённого тезиса можно уяснить хотя бы посредством того, что А. Кожев осмысливает архетип власти вождя, не прибегая к построениям иррационализма Ф. Ницше, а напротив, прямо увязывая собственную интерпретацию с метафизическим рационализмом Аристотеля. Вождь, таким образом, по А. Кожеву, – тот властитель, который стремится осуществить рациональный проект [7]. В данной связи русско-французский философ предлагает рассматривать власть учителя как разновидность власти вождя, поскольку первый ведёт учеников за собой, зная наперёд и наиболее отчетливо представляя последнюю цель реализуемого проекта.

Можно вполне согласиться с замечанием П.П. Гайденко, что у М. Вебера, и в этом он в определённой степени именно протестантский мыслитель, прежде всего воля, а не разум выступает источником хариз-

матической активности. «У Вебера разум предстаёт главным образом как внеценностная рациональность (техника оперирования понятиями, счёт, калькуляция в самом широком смысле), воля же, напротив, как внерациональный источник ценностей, как способность одних – выдающихся людей, харизматиков – творить ценности, а других – выбирать среди различных ценностей» [3, с. 509]. Вышеприведённое сравнение также сближает установку М. Вебера с теоретической позицией А. Шопенгауэра. Ведь именно в философии последнего воля трактуется как иррациональный жизненный порыв, а разум и сознание рассматриваются как побочное явление и средство её самореализации. Поэтому, изучая специфику мысли М. Вебера, П.П. Гайденко отмечает, что харизма в его дискурсе революционна, поскольку «она направлена не только против традиции, но и против рациональности, одним словом, против всякой обыденности и рутины» [3, с. 512]. Очевидно, что А. Кожев в отличие от М. Вебера при анализе специфики когнитивных оснований власти вождя придерживается другой мыслительной традиции, близкой к позиции Гегеля и Маркса. Таким образом, в его подходе воля выступает средством достижения сознательно выбранной цели, поэтому она не смешивается и даже прямо противопоставляется «эффекту», витальному порыву, следовательно, трактуется как инструмент рациональной деятельности, а не источник первичной (витальной) иррациональности.

Помимо вышеприведённых в концепциях А. Кожева и М. Вебера, обнаруживаются и более существенные методологические отличия в интерпретации антропоконтуров власти. В социологии М. Вебера речь идет о легитимации порядка, возникшего как конкретный факт, имманентный исторической практике. В своей работе социолога он стремился дистанцироваться от любых метафизических сущностей. Сюда же попадает и понятие вечности, которое М. Вебер не считает нужным привлекать в целях конструирования собственной типологии власти, справедливо считая данное понятие метафизическим конструктом *par excellence*. А. Кожев, напротив, сознательно стремится придать собственной теории власти метафизическое измерение, где легитимный порядок проистекает из самих оснований и законов бытия.

Значит, отсутствие в анализе М. Вебера понятия вечности как нерелевантного автоматически преобразует его типологию, причем именно в пункте понимания власти в модусе настоящего времени. Речь идёт о том, что метафизическое понимание власти будет рассматривать также настоящую власть сразу как легальную (в веберовском смысле) систему сложившихся властных отношений, но соизмеримую с абсолютной идеей вечного добра, стоящей над относительным моментом «теперь» [13].

Таким образом, и сам момент «теперь» будет либо схватываться только как относительный временной модус ускользящего настоящего, либо он также при этом будет сравниваться со своей абсолютизированной формой «вечного теперь». Притом что вечность господствует над всеми временами, реализуясь в собственной антропологической проекции в качестве архетипа судьбы. Поэтому именно с позиций этого «вечного» архетипа судьбы можно рассуждать о традициях, действующих нормах и собственно даже о духе самой харизмы. Отсюда понятно, почему в метафизике власти А. Кожева действуют четыре архетипа власти, а в веберовской – всего три [13]. Ясно, что если бы М. Вебер стал рассуждать подобным метафизическим образом, то ему пришлось бы, исходя из понятия вечности, постулировать в дополнение к уже имеющимся трем типам ещё один дополнительный тип – абсолютной (божественной) легитимации власти.

Выводы

В результате проведенного сравнительного анализа антропоконтуров власти в рассматриваемых концепциях были выявлены как существенные сходства, так и отличия рассматриваемых систем мысли. Интересно, что архетипы власти отца и вождя в теории А. Кожева во многом соответствуют традиционному и частично харизматическому типам легитимации власти у М. Вебера. Вместе с тем выяснилось, что рассматриваемые философы по-разному понимают рациональность и проистекающее из неё действие. Для А. Кожева, например, воля – неотъемлемый компонент рационального действия, а для М. Вебера, напротив, воля – внерациональный источник жизни и творимых ей ценностей. Поэтому вождь для А. Кожева – рационалист, а для М. Вебера вождь в ницшеанском смысле – иррационалист. Таким образом, сама харизма в веберовской интерпретации выступает в качестве аккомпанемента воли, носящей в своей первичной стихии иррациональный характер, восходящей к паттернам протестантской теологии.

Обе рассматриваемые концепции власти структурно близки в том плане, что содержат в себе темпоральный анализ, т. е. антропоконтуры власти в них интерпретируются с учётом соответствующих модусов времени. Однако А. Кожев в связи с выявлением антропоконтуров власти придерживается метафизической установки, поэтому, помимо прошлого (власть отца), настоящего (власть господина) и будущего (власть вождя), также использует понятие вечности (власть судьбы). Для М. Вебера подобный метафизический подход не был приемлемым с методологической точки зрения. Следовательно, на основании веберовского истори-

ческого имманентизма можно выделить только три, а не четыре, как у Кожева, антропоконтур власти – отец, юрист/бюрократ, вождь.

Литература

1. *Аристотель*. Метафизика. М., 2006. 608 с.
2. *Вебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб. 2014. 656 с.
3. *Гайденко П.П.* Научная рациональность и философский разум. М., 2003. 528 с.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. Философия истории. М., 2003. 880 с.
5. *Йоас Х.* Креативность действия. СПб., 2005. 320 с.
6. *Кожев А.* Атеизм и другие работы. М., 2006. 512 с.
7. *Кожев А.* Понятие власти. М., 2007. 192 с.
8. *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М., 2001. 384 с.
9. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла : соч. М., 2003. 848 с.
10. *Рикёр П.* Путь признания. М., 2010. 268 с.
11. *Сапронов П.А.* Власть как метафизическая и историческая реальность. СПб., 2001. 816 с.
12. *Черных С.С.* Архетипические формы проявления власти в антропологической перспективе // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2014. № 5. С. 16–21.
13. *Черных С.С.* Метафизическое понимание власти и формы её легитимации в антропологической перспективе // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 2. С. 14–17.
14. *Honneth A.* Disrespect. The Normative Foundations of Critical Theory. Cambridge, 2007. 275 p.
15. *Honneth A.* The Struggle of Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge, 1995. 215 p.

References

1. *Aristotel'.* Metafizika. M., 2006. 608 p.
2. *M. Veber.* Izbrannoe: Protestantskaya etika i dukh kapitalizma. M.; SPb. 2014. 656 p.
3. *P.P. Gaydenko.* Nauchnaya ratsional'nost' i filosofskiy razum. M., 2003. 528 p.
4. *G.V.F. Gegel'.* Fenomenologiya dukha. Filosofiya istorii. M., 2003. 880 p.
5. *Kh. Yoas.* Kreativnost' deystviya. SPb., 2005. 320 p.
6. *A. Kozhev.* Ateizm i drugie raboty. M., 2006. 512 p.
7. *A. Kozhev.* Ponyatie vlasti. M., 2007. 192 p.
8. *V.G. Ledyayev.* Vlast': kontseptual'nyy analiz. M., 2001. 384 p.
9. *F. Nitsshe.* Po tu storonu dobra i zla : soch. M., 2003. 848 p.
10. *P. Riker.* Put' priznaniya. M., 2010. 268 p.
11. *P.A. Sapronov.* Vlast' kak metafizicheskaya i istoricheskaya real'nost'. SPb., 2001. 816 p.
12. *S.S. Chernykh.* Arkhetipicheskie formy proyavleniya vlasti v antropologicheskoy perspektive // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki. 2014. № 5. P. 16–21.
13. *S.S. Chernykh.* Metafizicheskoe ponimanie vlasti i formy ee legitimatsii v antropologicheskoy perspektive // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki. 2015. № 2. P. 14–17.
14. *A. Honneth.* Disrespect. The Normative Foundations of Critical Theory. Cambridge, 2007. 275 p.
15. *A. Honneth.* The Struggle of Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge, 1995. 215 p.

Поступила в редакцию

11 ноября 2016 г.